

В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи хранится несколько писем Алексея Ремизова к Николаю Рериху. Первое же из этих писем высветило истоки ряда уникальных явлений русской культуры начала XX века.

1909 г. 17 февраля.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Константинович! Очень я жалел, что ушел из дому вчера и не видел Вас. Приду к Вам в воскресенье к 4-м дня. В «Северном сиянии» рукописи мои лежали с конца осени. «Каменную бабу», которую Вы приняли от меня, я не мог предлагать иллюстрировать, так как редакция об этом речи не заводила. Иллюстрации для меня неожиданность. И в этом не вините меня.

Я гордился бы, если бы к моему слову стояли Ваши рисунки. А кто же этот В.В.? И имела ли право редакция без моего согласия фигурами странички моего текста пестрить?.. А. Ремизов.

Суть письма очевидна. Речь идет о публикации ремизовской «Каменной бабы», к которой Рерих проявил несомненный интерес как художник-иллюстратор.

Ясно также: сказку эту Ремизов подарил Рериху еще до публикации в журнале «Северное сияние» — не без оснований полагая, что она заинтересует художника.

Журнал «Северное сияние» выходил в Москве. Был он ежемесячный, иллюстрированный. В 4-м, февральском номере журнала печатались три сказки Ремизова — включая «Каменную бабу» — из его книги «К Морю-Океану». Все три сказки сопровождались аляповатыми рисунками.

В том же 4-м номере сообщалось: «С 1-го февраля с.г. беллетристический отдел редактирует И.А. Бунин. В состав сотрудников вошли: Л. Андреев, Б. Зайцев, А. Куприн».

Почему именно «Каменную бабу» подарил Ремизов художнику? И чем привлекла эта сказка Рериха?

Каменная баба — идол, который встречается на пути героев сказочного цикла «К Морю-Океану» — продолжения «Посолони», первой книги Ремизова, самого поэтического создания писателя (книга адресовалась его двухлетней дочери).

Героев новой книги зовут Алалей и Лейла. Автор объяснил происхождение этих необычных имен: «Алалей — такого нет имени. Так в детских губках двухлетней русской девочки прозвучало в первый раз имя Алексей». А Лейла? «Лейла — имя арабское, означает ночь». Ремизов ссылается при этом на знаменитый литературный памятник «Лейли и Меджнун», сборник древнеарабских легенд и преданий. Но «Лейла» могла образоваться от простой перестановки слогов в имени Алалей. Возможна еще и ассоциация с Лелем — древнеславянским богом, покровителем влюбленных. Античные Эрот, Амур и Купидон — его близнецы-братья. Но они пользуются стрелами, а Лель руками мечет искры сердечного пламени.

Алалей и Лейла ищут путь к Морю-Океану. О каком Море-Океане идет речь? Это еще один древний народный символ, поэтическая метафора неустанного духовного поиска, обретения сокровенных знаний о первоосновах бытия. В начале XX века, в пору интенсивного развития русской философской мысли, этот символ обнаружил новое качество: он означал реализацию чаяний русских космистов о неразрывной связи человека и Вселенной, о целостности всего сущего. Именно поэтому, отправляясь в путь, Алалей и Лейла учатся понимать язык зверей, птиц и цветов, голос стихий. И первый же их вопрос: «Что ты, Баба? — что ты знаешь?» — определяет характер и тон этой беседы.

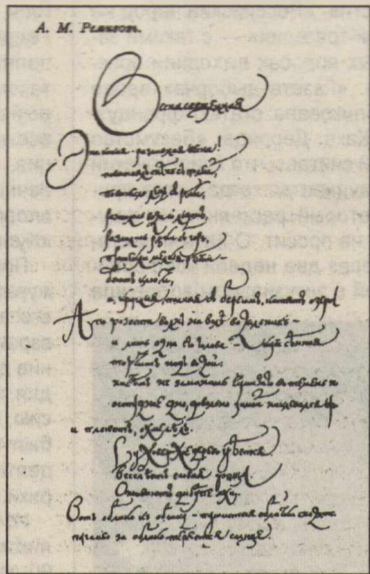
Каменная Баба поведала им свою историю. Это один из древнейших русских космогонических мифов — о происхождении Солнца, Света и Огня на земле. Он приводится в книге А.А. Фанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» — на нее и ссылается Ремизов в своих примечаниях к сказке.

Игорь Попов

Дети «Каменной бабы»

А. М. Ремизов и русский балет

Разгневанный бог обратил нечестивых баб в камень за окаянство: вздумали плевать на дарованное им Солнце, не сумев набрать в решета солнечного света для своих жилищ

А. М. Ремизов. «Весна священная». Факсимиле. Публикация в журнале «Наш мир» (Берлин), 1924, №6 (воскресное иллюстрированное приложение к газете «Рурь»).

— земляных ям без окон.

Огонь и Солнце — вот те два слова, два величайших явления природы, которые оставили глубочайший след в народном сознании, в фольклоре и постоянно притягивали, будто околдовывали и писателя, и художника: оба они всю жизнь черпали из народного творчества, многозвучием и колоритом которого стремились обогатить и беллетристику, и живопись, и театральное искусство.

Множество раз слово «огонь» пламенеет даже в названиях ремизовских произведений — «Купальские огни», «Огонь вещей», «О судьбе огненной»... А в русской живописи, кажется, нет другого художника, кроме Николая Рериха, у которого бы столь часто Огонь и Солнце определяли самую суть картины: «Заклятие огня», «Похитители огня», «Зарево»...

Ремизов знал, кому следует подарить свою «Каменную бабу» — сказку о непочтении к Солнцу.

«Весна священная»

Иллюстрировать «Каменную бабу» Рериху не довелось. Но его захватила сама сказка, яркие ремизовские краски в описании прихода весны, ликование пробуждающейся природы, атмосфера всеобщего веселья и праздника: «Мы качались на качелях, мы омылись громовой водой, мы прыгали через костер. Ветер, вода и огонь нас сохранят...» Судя по всему, эти краски, эта атмосфера и послужили тем импульсом, который породил ремизовскую идею создать сказку-балет в честь Ярилы-Солнца. Они определили саму стихию будущего балета. А то напутствие, которое дает Каменная Баба Алалею и Лейле: «Поцелуйте ее, мать вещую землю», — по-видимому, и подсказало кульминацию первой картины балета — «Поцелуй земле». И многочисленные варианты декораций этой сцены, которые будут десятилетиями создавать Рерих, явятся по сути запоздалыми иллюстрациями к сказке Ремизова.

И писателя, и художника объединял поиск вечной истины — по слову Рериха, «космической правды». Но Ремизов всегда «чувствовал себя земляным». Ему раньше интуиция подсказала, что суть этой истины можно постичь, лишь припадая к земле. Среди всего космоса земля оказывается единственной материнской средой для человека. Он связан с нею теми же узами, что дитя с матерью. Как в библейской легенде о сотворении человека. Как в космогонической «Голубиной книге» — любимом произведении и Ремизова, и Рериха:

*У нас мир-народ от Адамия,
Кости крепкие от камня,
Тела наши от сырой земли...*

Русская религиозность органично сочетала (и сочетает поныне!) древние языческие и христианские представления. Этот синтез ощущается и в той оценке, которую дал балету Ремизов: ««Весна священная» — весен-

ний обряд — поцелуй неба и земли».

Идеей своей Рерих быстро увлек Стравинского, а затем и Дягилева, и Фокина, и Нижинского. В письмах Дягилеву и Стравинскому художник много раз излагал концепцию балета, его либретто.

В том же отделе рукописей Третьяковской галереи сохранился уникальный документ: написанный Рерихом на обороте его собственного командировочного удостоверения один из окончательных вариантов либретто «Весны священной». Он особенно интересен своими тематическими, интонационными и текстуальными параллелями со сказкой Ремизова.

«Разлились деревья, зазеленели луга» — у Ремизова. «Налились холмы травами, а деревья листочками» — у Рериха.

Приведем текст Рериха целиком. Он небольшой и никогда не печатался.

*Зацвела земля золотом.
Налились холмы травами,
а деревья листочками.
Радость земле великая,
а людям великий пляс и гадание.
Собирают цветы, солнцу красному
поклоняются.*

*Сам старейший-мудрейший
знает больше всех.
Приведут его сочетаться с землею
пышною*

*и утопнут землю радостью
великою.*

*По священным холмам камни
заклятые лежат.
В заклании девушки ведут игры
тайные.*

*Величают-славят жертву
избранную.
Призовут старцев — свидетелей
праведных.*

*Человечьи праотцы мудрые
смотрят жертву великую,
воздадут жертву Ярилу
прекрасному, красному.
Ярило землю напитал любовью.*

Дальнейшая история балета известна. Освященная премьера 29 мая 1913 г. в Париже. Отклики в прессе — возмущенные: «языческая дикость», «варварство», — и настороженно-про-

видческие: «Это слепок первозданной природы в ее нетронutom, натуральном виде; она таинственным образом дышит и яростно живет — прямо здесь, на наших глазах...»

Ныне «Весна священная» — общепризнанная жемчужина театрального искусства XX века. Причем особенно ценится именно та, первая постановка.

Наконец, о названии балета. Оно менялось несколько раз. И не исключено, что именно Ремизов, принимавший участие в рабочих обсуждениях будущего спектакля, предложил окончательный его вариант. Во всяком случае, и у одной из своих сказок — в том же цикле «К Морю-Океану», причем у сказки, соседней с «Каменной бабой», — он при последующей публикации изменит название. Сказка называлась «Крес» — что значит искра, огонь из камня (отсюда «кресало» — огниво). Сказка эта — подлинный гимн Весне. Так вот, название ее Ремизов изменил на «Весна священная».

«Жар-птица»

В то самое время, когда Николай Рерих получил от Ремизова сказку «Каменная баба», Александр Бенуа в «Беседе о балете» высказал мечту о спектакле, в котором воплотилась бы «настоящая русская (или даже славянская) мифология».

Работа над «Весной священной» шла с перерывами — она продлилась почти пять лет.

А той порой возникла другая творческая группа, «конференция», как назвал ее Бенуа, «в которой приняли участие Черепнин, Фокин, Стеллецкий, Головин и я. Очень зажегся нашей мыслью и превосходный наш писатель, великий знаток всего исконно русского и вместе с тем величайший чужак А. М. Ремизов, обладавший даром создавать вокруг себя сказочное настроение даже тогда, когда беседа ведется на самые обыденные темы. В двух заседаниях, которые происходили у меня с Ремизовым, самый его тон способствовал оживлению нашей коллективной работы, а оживление выразилось затем в том, что мы уже не только теоретически приблизились к задаче, но зажглись ею». Поиски, по словам Бенуа, «вертелись» вокруг сказки «Жар-птица».

Москва

Окончание следует.